

ОБРАЗ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВИЧА В РАННИХ ДРЕВНЕРУССКИХ ГОМИЛИЯХ

Память о святом равноапостольном Владимире, Великом князе Киевском и всея Руси, закреплена во многих источниках — в русском летописании, в ряде литературных произведений XI–XVII в. и фольклорных памятников, в богослужебной книжности, в иконографии, храмоздательстве, антропонимии. Круг этих источников, причем соотносённый с информацией, содержащейся в латинских, греческих, арабских, армянских хрониках, в целом определен, опубликован и изучен, прежде всего с целью реконструкции жизни и деятельности князя. Этому посвящен значительный массив научных трудов¹. И, надо отметить, попутно немало сделано также в плане выявления личностных свойств Владимира Святославича. Однако, полагаю, о некоторых нюансах еще не говорилось.

Собственно древнерусские источники содержат разный объем сведений о святом князе и ввиду вышеозначенной темы имеют разную ценность. Наиболее ранними и важными, несомненно, являются «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона² и «Память и похвала Владимиру» Иакова Мниха³. Эти два творения — соответственно, 40-х годов и последней трети, но не позднее конца 80-х годов XI в. — содержат большие разделы, специально посвященные восхвалению Владимира. Кроме них в XI столетии были созданы «Чтение о Борисе и Глебе» Нестора Летописца⁴ и летописная биография князя, читавшаяся уже в «Начальном летописном своде» и известная по разным летописным сводам и, соответственно, редакциям «Повести временных лет» (статьи за 977–1015 г.)⁵. Здесь также наличествуют искомые похвальные пассажи: в «Чтении» — в предисловии [Чтение о святых мучениках, с. 4–5]; в летописи — под 996 г. (условно говоря, прижизненная похвала)⁶ и под 1015 г. (посмертная)⁷. Тематически аналогичные фрагменты обнаруживаются и в других произведениях — в Житии Владимира и в Службе ему. И тот и другой тексты, появившись, по-видимому, в XII столетии, затем перерабатывались и видоизменялись неоднократно вплоть до XVII в. Действительно, известно несколько Проложных редакций Жития, а также редакции Обычная, Распространенные и Особая [Соболевский, с. 7–13; Серебрянский, с. 3–13 (1-я пагин.);

¹ См. обширнейшую библиографию к статье «Владимир (Василий) Святославич» [ПЭ, VIII, с. 705–706]. В дополнение к данному списку здесь уместно указать работы: [Сендерович, 1996; Павленко; Смирнов, 2007; Смирнов, 2011].

² «О Законѣ, Моисѣомъ данѣмъ, и о Благодѣти и Истинѣ, Исусомъ Христомъ бывшии и како Законъ отиде, Благодѣть же и Истина всю землю исполни, и вѣра въ вся языки простресе и до нашего языка Рускаго, и похвала кагану нашему Володимеру, от негоже крещени быхомъ, и молитва къ Богу от всеа земля нашеа» [Прибавления к творениям святых отцов в русском переводе. М., 1844. Ч. 2. С. 223–252; Славяно-русские сочинения; Соболевский, с. 45–58; Срезневский, 1893, с. 32–68; Памятники древнерусской церковно-учительной литературы; Покровский; Синодальный список; Молдован; Идеино-философское наследие; Лабунька, с. 53–124; Иларион; БЛДР, с. 26–61; Аментьев].

³ «Память и похвала князю русскому Володимеру: како крестися Володимеръ, и дѣти своя крести, и всю землю рускую от конца до конца, и како крестися баба Володимерова Ольга преже Володимера. Списано Иаковомъ мнихомъ» [Макарий, 1849; Макарий, 1883, с. 525–530; Голубинский, с. 238–245; Соболевский, с. 17–24; Срезневский, 1893, с. 17–31; Срезневский, 1897; Бугославский; Зимин; Крещение Руси, с. 286–290; БЛДР, с. 316–327; Древнерусские княжеские жития, с. 23–29, 30–36; Милютенко, с. 417–434].

⁴ «Чтение о житии и о погублении блаженую страстотерпца Бориса и Глеба» [Чтение о святых мучениках, с. 1–26].

⁵ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. I: Текст и перевод / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. С. 53–90.

⁶ Там же. С. 85–86.

⁷ Там же. С. 89–91.

Милютенко, с. 149–201)⁸, вместе с тем различают и три версии Службы в честь благоверного князя [Славнитский; Спасский, с. 83–85; Серегина, с. 67–73; Милютенко, с. 206–212; Джиджора]⁹. Между прочим, к началу XV в. определился подбор текстов, размещенных совокупно в виде литературного цикла в Минеях четиих, в разделе за 15 июля по ст. ст., — это «Память и похвала», «Слово о Законе и Благодати» в 3-й редакции и Житие Владимира в распространенном виде [Сборник 1414 года; Срезневский, 1893, с. 1–14; Милютенко, с. 153–159] (впоследствии данная подборка была включена в Великие минеи четьи [Иосиф, с. 313–314; Описание рукописей Синодального собрания, с. 185]). На рубеже XV–XVI столетий возник новый панегирик Владимиру Святославичу — Похвала [Соболевский, с. 14; Усачев, с. 6, 17]¹⁰, а чуть позднее еще и Поучение [Усачев, с. 18]¹¹. Но оба произведения широкой популярности у русских читателей не получили. В середине XVI в. уже для «Степенной книги» был составлен очередной — компилятивный — вариант Жития равноапостольного князя¹². Наконец, в XVI–XVIII столетиях благодаря украинским книжникам — киево-печерскому архимандриту Иосифу Тризне, митрополиту Ростовскому Димитрию (Туптало) и безымянным — распространяется еще несколько вариантов агиобиографии Владимира Святославича [Перетц, с. 28–65; Жиленко, с. 12–19]. Правда, только тексты Иосифа и святителя Димитрия содержат похвальные пассажи в честь святого Владимира¹³.

Таков в целом весь корпус текстов, содержащий наряду с фактографическими сведениями еще и панегирические оценки личности и деяний благоверного князя¹⁴, несомненно, конгениальные представления о нем разных поколений книжников. И, думается, есть научный смысл в постановке вопроса об истории этих представлений. Менялись ли они, и если менялись, то в чем именно? Можно ли говорить о факте идейно-художественного развития в древнерусской литературе образа просветителя Русской земли? Как ни странно, несмотря на давний и интенсивный интерес исследователей к перечисленным выше литературным памятникам, да и к личности самого Владимира, именно под таким углом зрения имеющийся материал еще никто не интерпретировал.

Естественно, начало формированию древнерусских представлений о Владимире Святославиче положено было древнейшими посвященными ему произведениями — сочинениями Илариона и Иакова Мниха. На них и следует в первую очередь сосредоточить внимание.

Но прежде всего, не углубляясь здесь ни в средневековую, ни в современную теорию художественного образа [Бычков; Левшун, с. 48–57; Введение в литературоведение, с. 131–138; Литературная энциклопедия терминов и понятий, стб. 669–674; Основы литературоведения, с. 17–22; Федотов, 2003, с. 91–126], необходимо, тем не менее, отметить, что всякий образ вообще

⁸ Тексты Жития: [Соболевский, с. 24–45; Серебрянский, с. 14–25 (2-я пагин.); Милютенко, с. 435–477].

⁹ Текст Службы Владимиру: [Милютенко, с. 478–489].

¹⁰ «О крещении Русския земля и от жития вкратце и похвала иже в святых равного апостолом и благоверного великого князя Владимира, нареченного в святем крещении Василия, крестившаго всю Русскую землю» [Соболевский, с. 58–65; Усачев, с. 31–39].

¹¹ «Поучение на память иже в святых равного апостолом благоверного великого князя Владимира, в святем крещении нареченного Василия, крестившаго всю Рускую землю. Житие и похвала вкратце» [Усачев, с. 39–44].

¹² «Повѣсть извѣстна в малѣ явленна о велицѣи Русѣи земли и о началѣ царствующихъ в ней. И житие и похвала блаженнаго и достохвалнаго и равноапостолнаго царя и великаго князя, святаго и праведнаго Владимира, нареченнаго въ святомъ крещении Василиа, всея Руския земли самодръжца...» [Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М., 2007. Т. I. С. 218–339].

¹³ Житіе святого Володимира додане до патерика Иосифа Тризни [Жиленко, с. 48]; Житіе святого Володимира, написане свт. Димитрієм (Тупталом) [Жиленко, с. 129].

¹⁴ Следовало бы к означенному корпусу текстов приобщить также и «Слово о том, како крестися Владимир, възмя Корсунь», бытовавшее с начала XV в. в составе Феодосиевской редакции «Киево-Печерского патерика» [Никольский, с. 1–21], но вопреки названию это не орация, а исключительно повествовательное произведение, совсем лишенное фрагментов похвального свойства.

есть представление человека о чем-либо, возникающее в его сознании как результат сенсорно-ментального восприятия любых проявлений реального и умозрительного мира. В литературе образ (в данном случае речь идет не о любом словесном образе, а только об образе персонажа) формируется разными способами. Это — описание действий и внешности, воспроизведение речей, в том числе и внутренних монологов, введение в повествование разных деталей и подробностей, сравнений, уподоблений, противоположений, агентивных и атрибутивных именованных, эпитетов, обстоятельственных оборотов, пояснительно-оценочных суждений. За исключением лишь портретной характеристики, используемой в древнерусском нарративе весьма фрагментарно, отрывочно, избирательно, а главное, в угоду обобщенной схеме и традиционному шаблону [Демин, 1998], все эти способы вполне присущи текстам означенных сочинений и как таковые, очевидно, должны были оказывать воздействие на воображение читателей применительно к Владимиру Святославичу.

«Слово о Законе и Благодати» с момента первой публикации отдельных его фрагментов [Оленин] и до сей поры неизменно интересно ученым. Памятник, как показано выше, неоднократно переиздавался и вместе с тем оценивался с точки зрения разных наук — исторической, литературоведческой, лингвистической, философской, богословской¹⁵. Его на бесспорном основании считают незаурядным литературным творением, шедевром риторики и поэзии. Соответственно, авторы многих старых и новых руководств по истории древней русской литературы [Шевырев, с. 20–33; Миллер, с. 245; Порфирьев, с. 344–349; Галахов, с. 283–284; Караулов, с. 128–129; Полевой, с. 57–58; Владимиров, с. 137–140; Протопопов, с. 29–33; История русской литературы, 1908, с. 82–88; Петухов, с. 30–32; Сперанский, с. 295–298; Возняк, с. 138–143; Истрин, с. 163–172; Грушевский, 1923а; Орлов, с. 69–72; Гудзий, с. 87–95; Еремин, 1941; Еремин, 1987, с. 80–84; Čiževskij, с. 36–39; Водовозов, с. 31–36; Кусков, с. 68–70; История русской литературы, 1980, с. 90–92; Левшун, с. 110–116; Пиккио, 2002, с. 58–63; Древнерусская литература, с. 59–65], истории русской мысли [Замалеев, с. 109–116; Громов, Козлов, с. 70–72; История русской философии, с. 21–23], истории русского литературного языка [Якубинский, с. 95–99; Бродская, Цаленчук, с. 39–42; Ларин, с. 138–152; Ковалевская, с. 82–84; Мещерский, 1981, с. 45–52; Мещерский, с. 28–32], истории политических учений [История политических и правовых учений, 2004, с. 209–212; История политических и правовых учений, 2006, с. 96–104] неизменно уделяют ему внимание. Со всей определенностью выявлены его культурно-историческая аутентичность, степень информативной достоверности, идейная значимость, художественная и языковая специфика.

Это касается и конкретно похвалы Владимиру Святославичу, занимающей в сочинении Илариона значительное место (композиционно похвала является третьим разделом речи¹⁶: от слов «Хвалить же похвальными гласы Римьскаа страна...» до слов «...от всякоа рати и плѣнениа, от глада и всякоа скорби и сътуждениа»¹⁷). Учеными разных поколений и разных специализаций вполне детально проанализированы исторический, идеологический, историософский,

¹⁵ Помимо объемной библиографии, сопровождающей статью об Иларионе в Православной энциклопедии [ПЭ, т. XXII, с. 126], существуют и другие труды [Федотов, 2001, с. 88–91; Сазонова; Лихачев; Мещерский, 1976; Робинсон, с. 79–82; Jakobson; Мильков; Кормин, Любимова, Пилюгина; Поляков; Абрамов; Макаров; Кожинов; Горский; Розов; Колесов; Мильков; Иванов; Лабунька, с. 7–23; Пиккио, 2003; Сендерович, 1999; Овчинников, 2001; Овчинников, 2003; Погосбемян, 2001; Погосбемян, 2002; Демин, 2002; Александров; Милотенко, с. 33–51; Кириллин].

¹⁶ О композиционной структуре «Слова» в научной литературе бытуют разные мнения. Я придерживаюсь той точки зрения, что «Слово» имеет четырехчастное деление: первая — догматическая — часть посвящена сравнительному сопоставлению ветхозаветной и новозаветной религий, а также христологии; второй — исторический — раздел гомилии представляет собой размышление о значении принятия Русью христианства; затем следует панегирический раздел — похвала Владимиру, и завершается вся речь «молитвой к Богу» [Кириллин].

¹⁷ Здесь и в дальнейшем текст Илариона цитируется по последнему научному изданию [Акентьев, с. 122–152].

религиозный, композиционно-стилистический аспекты и всей орации в целом, и славословия князю в частности, так что остается только вторить, но лишь в рамках необходимого, уже сказанному в научной литературе.

Начав с утверждения, что всякая страна имеет своего учителя веры христианской и чтит его, оратор призывает себя и слушателей (или читателей) воздать хвалы Владимиру. И далее, чередуя прямое обращение к князю с изложением от третьего лица, искусно использует поэтику аналогизмов и контрапозиций, различных именовании и эпитетов, фонетических, морфемных, лексико-фразеологических, синтаксических, семантических, троповых повторов и вариаций. Владимир совершил «великое» и «дивное»: будучи государем, «великим каганом» Русской земли, он стал для нее «учителем и наставником». Он подобен своим «славным» и «благородным» предкам, князьям Игорю и Святославу, но и отличен от них: тех чтут за «мужество и храбрѣство», «побѣды и крѣпость», они правили в стране, известной повсюду, а этому, помимо «крѣпости», «силы» и «мужества», присущ также «смысл», то есть разум¹⁸, и он был не только у себя «единодержцем», ему покорились и соседние народы.

Как видно, сопоставление осложнено у Илариона противопоставлением, подспудно (ибо здесь нет специального акцента) отмечающим превосходство Владимира Святославича над своими отцом и дедом. Так, очевидно, продолжается тема второй части произведения, в которой Иларион говорит о значении принятия Русью христианства и о превосходстве христианской Руси над Русью языческой.

Констатировав справедливое, твердое и разумное правление этого князя: «землю свою пасущу правдою, мужествомъ же и смысломъ», ритор переходит к проблеме его духовного преображения. Указанные добродетели государственного деятеля стали, по Илариону, причиной Божественного наития: «приде на нь посѣщение Вышняго, призрѣ на нь всемилостивое око благаго Бога»; и князь проникся осознанием лживости язычества и стремлением к единому Творцу: «въся разум в сердце его, яко разумети суету идольския лъсти и възыскати единого Бога, сътворяшаго всю тварь видимую и невидимую». По примеру благоверной Греции он «въждеда сердцем, възгоре духом, яко быти ему христиану и земли его». В купели святого крещения он очистился от «праха неверия» — «белообразуяся», стал «сыном нетлѣнна», «сыном воскрѣщения». Новое имя князя — Василий (в переводе с греч. *царь*) — указывает не только на его именитость, но и на его приобщенность к небесному граду Иерусалиму («имя приимъ вѣчно, именито на роды и роды, Василий, имже написася въ книги животныя въ вышнимъ градѣ и нетлѣннимъ Иерусалимѣ») ¹⁹. Присущая ему «къ Богу любовь» разрывает границы его личного религиозного эгоизма. Сопрягая «благовѣрие» и «власть», князь побуждает и весь свой народ принять христианство.

Вслед за патетическим описанием единодушного и одновременного воцерковления «всей земли нашей» Иларион прямо обращается с чередой риторических вопросов к объекту своего славения, называя его «учителем». В своих апострофах оратор, во-первых, выражает обеспокоенность тем, как воистину подобающим образом воздать хвалу князю, и, соответственно, вновь — и повторяясь — характеризует достоинства последнего: Василий-Владимир — «честный

¹⁸ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 2000. Вып. 25. С. 226–228.

¹⁹ Несомненно, Иларион ясно понимал также и прямую и ассоциативную связь этого имени с понятиями земного и небесного царства, ибо в его гомилии встречаются соответствующие выражения и библейские цитаты. Например: «сътвори Богъ гоститву и пиръ великъ тельцемъ упитѣннымъ отъ вѣка, възлюбленнымъ Сыномъ своимъ Исусомъ Христомъ, съзвавъ на едино веселие небесныя и земныя, съвокупивъ въ едино ангелы и чловѣкы»; «Вси язъци всплещѣте руками и въскликнѣте Богу гласомъ радости, яко Господь вышний страшенъ, царь великъ по всей земли» (Пс 46: 2–3); «...пойте цареви нашему, пойте, яко царь всей земли Богъ, пойте разумно. Въцариса Богъ надъ языкы» (Пс 46: 8–9); «яко есть Богъ единъ творецъ невидимымъ и видимымъ, небеснымъ и земленнымъ»; «славимъ тя Господа нашего Исуса Христа съ Отцемъ, съ Пресвятымъ Духомъ, Троицу нераздѣлну, единобожествену, царствующую на небесѣхъ и на земли ангеломъ и чловѣкомъ».

и славный в земельных владыках» и «премужьственный», его отличают «доброта» (духовная красота), «крѣпость и сила», он «христоробец», «друг правды» (любит справедливость), он «съмыслу мѣсто» (средоточие разума), «милостыни гнѣздо» (источник милосердия), благодаря ему народ познал Господа и избавился от «льсти идольскыа» (оставил язычество). Во-вторых, ритор по-прежнему волнует загадка пережитого князем духовного изменения — обращения к вере и Христовой любви. При этом Иларион опять упоминает «разумъ» князя, который, будучи «выше разума земельных мудрецъ», позволил ему познать Бога и стать «учеником» Христа, стать «блаженным», на котором исполнились слова Христа к апостолу Фоме: «Блажени не видѣвшие и вѣровавшие» (Ин 20: 29). Феноменальность свершившейся перемены оттеняется противопоставлением, несомненно, полемического свойства, которое продолжает тему первой части орации Илариона, посвященной анализу взаимоотношения Ветхого и Нового Заветов, иудаизма и христианства: князь не видел Христа, не видел Его апостолов, не видел тех, кто именем Иисусовым творит чудеса, но последовал за Ним, открыл свое «сердце» для веры, преисполнился «страхом Божиим», а другие люди видели Христа и Писание знали, но осудили Его на распятие.

Вопрошаниям оратора вторят его восклицательные обращения к Владимиру Святославичу, развивающие парадигму сопоставления князя с языческими государями. Здесь панегирист вновь отмечает, что «блаженный» князь «токмо от благаго съмысла и остроумиа разумѣвъ» единого Бога Творца и Спасителя и, «си помысливъ, вѣниде въ святую купѣль».

Далее панегирист, помянув «щедроты и милостыня» князя, именует его честным («честныиче»), то есть тем, кому воздается честь, кого почитают²⁰, и «присным Христовым рабом». За это и особенно за обращение ко Христу всей Русской земли Владимир «похвалень» от Господа «на небесѣх». Он «подобникъ» Константина Великого, равен ему по уму («равноумне»), такой же христоробец, так же чтит священнослужителей, так же «по всей земли своей» утвердил «вѣру». Сравнение с Константином осложняется у Илариона ветхозаветной параллелью: восхваляя Владимирову сына Ярослава-Георгия, ритор утверждает, что последний закончил начатое его отцом — возвел на месте старого деревянного каменный Софийский собор, как некогда Соломон закончил начатое Давидом строительство Иерусалимского храма. Данная аналогия прямо ставила Владимира-Василия, а заодно и Ярослава-Георгия в единый ряд святых царей: Давид — Соломон — Константин — Василий — Георгий, тогда как Киев с Софийским собором, согласно этой аналогии, оказывался в ряду святых городов: Иерусалим — Константинополь — Киев.

Завершается похвала Владимиру в «Слове о Законе и Благодати» молитвенным славлением, в котором Иларион в прямом хайретическом обращении к князю как к пребывающему в сонме святых, перифрастически характеризует его личность, скомпонованно повторяя все свои уже данные атрибуции: Владимир — «во владыках апостол», то есть апостол среди государей, «учитель» и «наставник благовѣрию», он «правдою...облѣченъ, крѣпостию прѣпоясанъ, истиною обутъ, съмысломъ вѣнчанъ и милостынею яко гривною и утварью златою красуясь»; он «честнаа глава, нагымъ одѣние», «алчньнымъ кѣрмитель», «жаждующимъ утробѣ ухлаждение», «вѣдовицамъ помощник», «страннымъ покоище», «бескровнымъ покровъ», «обидимымъ заступникъ», «убогымъ обогащение».

Таким образом, главным для Илариона в его восхвалении является то, что Владимир Святославич — идеальный правитель, государь-апостол, креститель, просветитель Русской земли и небесный попечитель о ее людях. Панегирист, следовательно, оценивает личность князя, во-первых, идеологически — в церковно-историческом и историософском планах, во-вторых, духовно — в патронажном аспекте.

²⁰ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1912. Т. 3; Дополнения. Стб. 1573–1575.

Другая посвященная благоверному князю Владимиру гомилия — «Память и похвала» Иакова Мниха — тоже длительное время привлекает научную мысль, хотя и не так интенсивно, как сочинение Илариона. В большей степени она интересовала историков²¹. Филологи невысоко оценили литературные достоинства речи Иакова ввиду некоторой ее структурно-стилистической сумбурности. Вот почему, надо полагать, в обзорах древней русской литературы и в руководствах по смежным научным дисциплинам это произведение обычно если и упоминается, то лишь мимоходом и без должного анализа [Шевырев, с. 257; Порфирьев, с. 357; Владимиров, с. 187–188; Петухов, с. 47; Сперанский, с. 312; Возняк, с. 164–166; Грушевский, 1923б; Орлов, с. 106; Адрианова-Перетц, Еремин]. Тем не менее и к нему до сих пор сохраняется научный интерес. Споры идут в основном относительно времени его появления, первоначального состава и фактографической ценности. Самое последнее мнение сводится к тому, что означенный текст все-таки был создан в XI в. и изначально представлял собой единство похвалы Владимиру и его краткого жизнеописания (без позднейшей похвальной вставки, посвященной благоверной княгине Ольге) [Милютенко, с. 51–80]. Надо отметить, что и содержательным особенностям сочинения, в общем, дана довольно внятная характеристика [Хрущев, с. 68–73; Бугославский, с. 138–141; Милютенко, с. 80–92].

«Память и похвала» в ее собственно гомилетической части (от начала «Пауль святыи апостоль, церковный учитель...» до слов «...того ради примуть вѣнецъ красоты от руки Господни»²²) во многом, но только не текстуально, схожа с хвалебством Илариона. Во-первых, Иаков использовал те же литературные приемы: так же, но сдержаннее сочетая апострофические периоды с нарративными и панегирическими, так же прибегая к разнообразным повторам, сравнениям, противопоставлениям, тропам. Во-вторых, у него прослеживается та же логика построения текста: объяснение мотивов собственного труда, рассказ о крещении Владимира и подчиненного ему народа, характеристика добродетелей князя. Наконец, в тексте Иакова обнаруживаются подобный же корпус эпитетов и некоторые — правда, весьма незначительные — фразовые совпадения, вернее, типовые словосочетания (в «Слове о Законе и Благодати»: «разумѣти суету идольскыи льсти», «мракъ идольскый», «льсти идольскыа избыхомъ», «заблуждения идольскыа льсти», тогда как в «Памяти и похвале»: «отверже всю безбожную лесь», «отвержесе всея диаволи льсти», «прииде от тмы диаволя», «человекы изъ лести диаволя къ Богу приведе», «уклонився от службы диаволя»). Пожалуй, интенсивнее новый панегирист привлекает себе в помощь Библию, щедро ее цитируя и при этом не повторяя своего предшественника. Больше сообщает он о других, помимо крещения, деяниях князя — о борьбе с язычеством, о победах над соседними народами, о противостоянии печенегам, о походе на Корсунь, но, однако, меньше внимания уделяет княжеской храмовоздательной деятельности. В свой текст Иаков, в отличие от Илариона, вводит также молитвы крестителя Руси. Нужно отметить и его иную по степени напряженности в плане дифирамбной и патриотической патетики интонацию, что сопряжено, видимо, — в содержательном плане — с отсутствием у него суждений о мистическом значении Владимира для Русской земли, а в формальном — с совсем другим ритмическим строем его речи. Наконец, Иаковым иначе расставлены и некоторые смысловые акценты.

Сказанное предопределяет сравнение текстов, совершенно необходимое ввиду поставленной выше научной проблемы выяснения того, что же особенное, специфичное сравнительно с Иларионом, усматривал Иаков в личности крестителя Русской земли.

---

²¹ Библиография, сопровождающая статью об Иакове Мнихе в Православной энциклопедии [ПЭ, т. XX, с. 544–545], должна быть дополнена неучтенными трудами по теме: [Макарий, 1995, с. 199–200; Голубинский, с. 744–745; Милютенко, с. 51–92, 151–161; Карпов].

²² Здесь и далее текст Иакова цитируется по последнему научному изданию [Милютенко, с. 417–434].

Прежде всего, Иаков последовательно именует Владимира Святославича не только блаженным, как его предшественник, но и благоверным, однажды даже и божественным. Илариону эпитет «благоверный» тоже знаком. Но он употребляет его не по отношению к князю, а применительно к другим предметам речи, подразумевая при этом нравственное состояние, высокое качество веры, благочестие, праведность²³: «благовѣрнии земли Гречьскѣ»; «како веси и гради благовѣрнии вси въ молитвахъ предстоять»; «Радуйся, благовѣрный граде! Господь с тобою!»; «благовѣрная сноха» Ирина. Вместе с тем Иларион неоднократно отмечает благоверие Владимира, опять-таки имея в виду лишь его духовную настроенность: «единоя славы и чести обещаика сътворилъ тя Господь на небесѣхъ благовѣриа твоего ради, еже имѣ въ животѣ своемъ», «благовѣрие его съ властью съпряжено», «добрѣ послухъ благовѣрию твоему, о блажениче». Иаков же, по-видимому, ориентируется уже на специальное значение церковного термина, связанного с представлением о типе святости [Живов, с. 20–23; Никулина, с. 241–243]: «о благовѣрнемъ князѣ Володимери всея Руския земля», «вжада благовѣрный князь Володимеръ святого крещения», «добрѣ поживе благовѣрный князь Володимеръ». Вкупе с признанием факта святости, это было обусловлено, следует думать, также стремлением Иакова развить отмеченную выше идею Илариона о преемственной причастности Владимира к череде угодников Божиих, в том числе и святых правителей.

В самом деле, новый панегирист не удовлетворяется уподоблением киевского князя только царю Давиду и императору Константину Великому, как это было у его предшественника, он вообще более настойчиво проводит исторические аналогии. Приняв крещение, Владимир «възвеселися о Бозѣ Давидьскы... и аки святыи пророкъ дивный Аввакумъ “о Господѣ веселяся и радуяся”», князь «подобно Константину Великому дѣло сътвори», князь «подобися... царю Иезекѣю (Езекия), и треблаженому Иосѣю (Иосия), и великому Коньстантину», князь также «възлюби Аврамово житие и подража странолюбюю его, Иаковлю истину, Моисѣеву кротость, Давидово безлобие, Константина, царя великого, перваго царя христианского, того подражая правовѣрие, боле же всего бяше милостыню творя». Эти уподобления отмечают не только ретроспективно-историософскую глубину оценки Владимира Святославича как правителя; ими — прямо и перифрастически, иносказательно, в соответствии с известными фактами биографий названных библейско-исторических персонажей, — обозначаются также: радостный характер приятия князем веры, его борьба с язычеством и его личностные свойства — гостеприимство, правдолюбие, смиренность, незлобивость, благочестие, милосердие.

Иначе, сравнительно с Иларионом, Иаков рассказывает о побудительных мотивах крещения Владимира Святославича. По Илариону, князя вдохновил пример Греции: «Паче же слышано ему бѣ всегда о благовѣрнии земли Гречьскѣ, христолюбиви же и сильнѣ вѣрою, како единого Бога въ Троици чтуть и кланяются, како въ нихъ дѣются силы и чудеса и знамения, како церкви людей исполнены, како веси и гради благовѣрнии вси въ молитвахъ предстоять, вси Богови прѣстоять. И си слышавъ...», он крестится. Иначе говоря, князь поступил как политик. Владимир же Иакова руководствуется примером частных авторитетов, то есть принимает не политическое решение, а личное, духовное: «Взиска спасения и *прия* о бабѣ своей Олзѣ, како шедши къ Царюграду, и прияла бяше святое крещение, и пожи добрѣ предъ Богомъ, всими добрыми дѣлы украсившися, и почи с миромъ о Христѣ Исусѣ и въ вѣрѣ блазѣ. То все слышавъ князь Володимеръ о бабѣ своей Олзѣ, нареченѣй въ святомъ крещении Елене, тоя и житие *подража*, такоже и святыя царици Елены, матере великаго царя Коньстантина житию *ревнуня въ всемъ*».

Повествование Иакова о крещении Владимира Святославича в отличие от версии Илариона наполнено также деталями, характеризующими внутреннее состояние князя, на что,

²³ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 1. С. 192.

между прочим, еще никто из исследователей не указывал. Так, предшественник Иакова, следуя своей политической концепции, весьма настоятельно говорит о рациональном побуждении Владимира к принятию христианства, последовательно употребляя по отношению к нему, как показано выше, лексемы: «смысл» (5 раз), «разум» (2 раза), «разумети» (1), «остроумие» (1), «разумев» (1), «помысливъ» (1), «равноумне» (1). Вместе с тем Иларион заметно сдержаннее отзывается о мистической подоплеке княжеского решения креститься. Только однажды он указывает на таковую: «...приде на нь (Владимира.—В. К.) посѣщение Вышняго, призрѣ на нь всемилостивое око благаго Бога, и въся разумъ въ сердци его, яко разумѣти суету идольскыи лъсти и възыскати единого Бога...». В данном случае ситуация выглядит так, будто Господь лишь ниспослал князю озарение как Своему избраннику, а дальше князь действовал исключительно сам: узнав о благочестии греков, «въждела сердцемъ, възгорѣ духомъ, яко быти ему христиану», «притече къ Христу, токмо от благаго съмысла и остроумиа разумѣвъ, яко есть Богъ единъ... си помысливъ, въниде въ святую купѣль». Несомненно, подобная интерпретация факта обращения Владимира ко Христу по собственному сознательному выбору отражает общую идею Илариона о церковно-государственной самостоятельности и независимости Руси.

Иаков же совсем по-другому освещает происшедшее. Под его пером событие обретает прямую связь с Божественной волей, а Владимир Святославич выступает, прежде всего, как исполнитель и проводник последней: «Просвѣти благодать Божия сердце князю... и вжада святого крещения» «и Богъ сътвори хотѣние его», «И разгоряшеся Святымъ Духомъ сердце его, хотя святого крещения. Видя же Богъ хотѣние сердца его... и призрѣ съ небесѣ милостью своею и щедротами», «Богъ праведенъ... просвѣти сердце князю Рускыя земля Володимеру прияти святое крещение», «даръ Божий осѣни его, благодать Святого Духа освѣти сердце его, и навиче по заповѣди Божии ходити», «и бысть князь Володимеръ аки уста Божии», «послуживъ Богу всимъ сердцемъ и всею душею», «благодать Божия просвѣщаше сердце его и рука Господня помогаше ему». Больше того, действуя по вдохновению от Господа и по примеру княгини Ольги и императрицы Елены, отдавшись воле Божией, Владимир руководствуется не размышлением, а сильным чувством и желанием. Соответственно, Иаков, описывая ситуацию преобразования князя, совсем не использует слов, семантически связанных с интеллектуальной деятельностью и с понятиями *ум*, *мыслить*, но, напротив, предпочитает слова, сопряженные с областью чувства и эмоции, — «вжада», «хотение», «хотя», «сердце», «душа». Их употребление, причем репетитивное, просто вынуждает читателя воспринимать крещение князя как рефлекс духовного порыва. Получается, что именно глубокое внутреннее переживание подвигло его к решению принять Христа. Кстати, столь нарочито употребляя слово «сердце», Иаков, несомненно, имел в виду, как минимум, его отвлеченный смысл, сопряженный с представлением о духовно-умственной жизни человека²⁴, соответственно, например, библейской традиции: «И положи Данииль на сердца своемъ» (Дан 1: 8); «и усовеова сердце мое во мне» (Неем 5: 7); «Не скорь буди усты твоими, и сердце твое да не ускоряетъ износити слово предъ лицемъ Божиимъ» (Еккл 5: 1); «Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ» (Мф 5: 8); «речеть злый рабъ той въ сердца своемъ» (Мф 24: 48); «Мариамъ соблюдаше вся глаголы сия, слагаючи въ сердца своемъ» (Лк 2: 19). Однако, как максимум, Иаков вполне мог исходить из давно известного учения Церкви о том, что сердце есть центр боготварной природы человека, вся его духовно-материальная суть, соответственно, например, взглядам преподобного Макария Египетского: «Ибо те, которые суть сыны света и служения Новому Завету в Духе Святом, ничему не научаются у людей, как научаемые Богом. Сама благодать пишет на сердцах их законы Духа. Посему, не в Писаниях только, начертанных чернилами, должны они находить

²⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 2000. Вып. 24. С. 78–79.

для себя удостоверение, но и на скрижалях сердца благодать Божия пишет законы Духа и небесные тайны; потому что сердце владычественно и царственно в целом телесном сочленении. И когда благодать овладеет пажитями сердца; тогда царствует она над всеми членами и помыслами: ибо там ум и все помыслы, и чаяние души. Почему благодать и проникает во все члены тела» [Макарий Египетский, с. 52 (Беседа 15)]²⁵.

Уместно заметить, что Иларион тоже несколько раз апеллирует к сердцу Владимира: «вѣсна разумъ въ сердци его, яко разумѣти суету идольскыи лъсти»; «въждела сердцемъ, възгорѣ духомъ, яко быти ему христиану», «Како ти сердце разверзется?»; «Не видѣ апостола... сердце твое на сѣмѣрѣние клоняща». Но все-таки сердечное движение у Илариона представляется больше как результат настоятельно подчеркнутой работы княжеского самосознания. Иаков же однозначно трактует преобразование Владимира мистически — как эмоциональный ответ на Божественный призыв. Именно этим можно объяснить используемые им в рассказе о крещении Руси, опять-таки репетитивно, лексемы чувств: «И възрадовася, и възвеселися о Бозѣ Давыдъскы князь Володимеръ»; «О, колика радость и веселие бысть на земли! Ангели възвеселишася и архангели, и святыхъ души възыграшася»; «Толико бес числа душъ по всей земли Руской приведены къ Богу святымъ крещениемъ, похвалы всякыя дѣло достойно створи и радости духовныя полно»; «И вси людие Рускыя земля познаша Бога тобою, божественый княже Володимере. Върадовашася ангельстии чини, агници честнии, нынѣ радуются вѣрнии, и воспѣша, и въсхвалиша!»; «Возвеселися, и възрадовася о Бозѣ и о святѣмъ крещении, и хвалашеся, и славяше Бога о всемъ томъ князь Володимеръ. И сице в радости смирениемъ сердца глаголаше...». Иаков воссоздает атмосферу всеобщего духовного веселия и ликования по случаю крещения Руси в результате Божественного откровения, и образ князя включен у него в симфонию космической радости: ее переживают и ангельские чины, и святые угодники, и русское общество, и сам Владимир.

Подобная лирико-мистическая интерпретация прошлого совершенно чужда Илариону. Разумеется, тема радости у него тоже звучит, но не изъяснительно и не восклицательно — в контексте описания непосредственной ситуации крещения и похвалы князю, а в побудительно-повелительном модусе — как авторское обращение к крестителю: «И си вѣся видѣвъ, възрадуйся и възвеселися и похвали благаго Бога, вѣмъ симъ строителя! Видѣ же, аще и не тѣломъ, нѣ духомъ покажетъ ти Господь вся си, о нихъже радуйся и веселися, яко твое вѣрное вѣсѣние не исушено бысть зноемъ невѣриа...». Что же касается собственно рассказа о крещении, то перцепция, эмоция и интенция Илариона иные. Он восхищается деянием Владимира, но совсем ничего не говорит о воодушевлении неба и земли, строго связав княжеский образ с этикетом феодальных отношений и порядка вещей: князь крестился сам, и, по его повелению, единодушно и «въ едино время» крестились все остальные его подданные. Получается, Илариона в истории крещения Руси больше интересовала идеальная гармония общественного устройства, восторжествовавшая благодаря идеальному правителю. У него Владимир Святославич выглядит человеком, сознательно определившим свой выбор и действующим, сообразуясь с разумом, под стать идеальному учителю веры и государю, идеальному относительно средневековых церковных представлений о миропорядке авторитету.

Иаков же, напротив, весьма и весьма настойчиво рисует Владимира богоизбранником, человеком, по-библейски живо ощутившим волю Господа, радостно откликнувшимся на ее предопределение порывом своей души и последовавшим за Христом. Больше того, у Иакова князь еще и смелый предстоятель перед Богом в своей земной жизни. Об этом свидетельствуют воспроизведенные оратором собственные молитвы Владимира — благодарственно-исповедная

²⁵ См. также: [Юркевич; Вышеславцев].

по крещении, просительная перед походом на Корсунь и просительно-исповедная предсмертная. Особенно показательна как самохарактеристика первая княжеская молитва: «Господи Владыко благый, помянуль мя еси и привель мя еси на свѣтъ, и познахъ Тя, всея твари Творца. Слава Ти, Боже всѣхъ, Отче Господа Бога нашего Иуса Христа! Слава Ти съ Сыномъ и Святымъ Духомъ, сице мя помиловавъ. Въ тмѣ бяху, диаволу служу и бѣсомъ, но Ты мя святымъ крещениемъ просвѣти. Акы звѣрь бяхъ, многа зла творяхъ въ поганствѣ и живяхъ акы скотина, но Ты мя укроти и наказа своею благодатью. Слава Ти, Боже в Троицы славимый, Отче, и Сыне, и Святый Душе! Троице Святая, помилуй мя, настави мя на путь Твой и научи мя творити волю Твою, яко Ты еси Богъ мой!» Эти тропари о богооткровенном преображении грешника и стихи его благодарственного славения наглядно отражают внутренний портрет истово отдавшейся Господу личности.

Здесь уместно обратиться к картине крещения Руси, нарисованной преподобным Нестором Летописцем в «Чтении» о Борисе и Глебе: «Такое же и сему Владимиру явление Божие быти ему крѣстьяну створи же. Наречено бысть имя ему Василий. Таче потомъ всѣмъ заповѣда вельможамъ своимъ и всѣмъ людемъ, да ся крѣстятъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Слышите чудо, исполнь благодати: како вчера заповѣдая всѣмъ требу принести идоломъ, а днесь повелѣваетъ хрѣститися во имя Отца и Сына и Святаго Духа; вчера не вѣдаше, кто есть Иусъ Христосъ, днесь проповѣдатель Его явися; вчера елинь Владимиръ нарицааяся, днесь крѣстьянь Василий наричається. Се вторый Костянтинъ в Руси явися. Нъ и се чуднѣи: заповѣди бо ишедши, яко же преже ркохомъ, всѣмъ хрѣститися — и всѣмъ грядущимъ крѣщению, ни понѣ единому супротивящюся; но акы издавна научены, тако течаху радующеся къ крѣщению. Радовашесе князь Володимеръ, видя ихъ теплую вѣру, иже имяху къ Господу нашему Иусу Христу» [Чтение о святых мучениках, с. 4]. Как видно, Нестора, подобно Илариону, волнует феномен собственно преобразования Владимира, при этом он так же сторонится религиозной мистики и так же констатирует единодушные последовавших за князем людей. Однако совершенно в тон Иакову он свидетельствует о всеобщей народной радости по случаю крещения.

Подводя итоги сравнению, с полным основанием можно утверждать, что Владимир Илариона лично более этикетен и схематичен, Владимир же Иакова наделен чертами более живой, во всяком случае, более религиозно отзывчивой природы.

Грань различия ощущается даже в том, как оба гомиласта сообщают о возведении в Киеве Десятинной церкви во имя Приснодевы Марии. У Илариона это известие подано в форме обращения к Владимиру и как подтверждение преданности последнего вере христианской: «Добръ послухъ благовѣрию твоему, о блаженниче, святаа церкви Святыя Богородица Мариа, юже създа на правовѣрнѣи основѣ, идеже и мужьственное твое тѣло нынѣлежит, жида трубы архангельскы». Факт существования храма есть, по Илариону, свидетельство и памятник действительно происшедшей в князе духовной перемены. И всё. Рассказ же Иакова, будучи по форме описанием, подразумевает другое, а именно действительную заботу Владимира о ближних своих в христианском смысле этого выражения: «И церковь созда камену во имя пресвятыя Богородица, прибѣжище и спасение душамъ вѣрнымъ, и десятину ей дасть, тѣмъ попы набѣдѣти и сироты, вдовица и нищяя». То есть Иаков являет князя радующим о подданных добролюбом: для них он создал храм, именно для их духовного и материального блага.

Еще более ярким индексом расхождения двух панегиристов в интерпретации образа Владимира Святославича представляется предопределенная литературным канонем характеристика княжеской щедрости и милосердия:

Слово о Законе и Благодати

Къ сему же кто исповѣсть многыя твоя ношныя милостыня и дневныя щедроты, яже къ убогимъ творяше, къ сирымъ, къ болящимъ, къ дължнымъ, къ вдовамъ и къ всѣмъ требующимъ милости? Слышалъ бо бѣ глаголь, глаголаный Данииломъ къ Науходоносору: «Съвѣтъ мой да будетъ ти годѣ, царю Науходоносору, грѣхы твоя мшюстинями оуѣсти и неправды твоя щедротами нищихъ». Еже слышавъ ты, о четьниче, не до слышания стави глаголаное, нѣ дълломъ съконча, просящимъ подаваа, нагыя одѣвая, жадныя и алчныя насыщая, болящимъ всяко утѣшение посылаа, должныя искупая, работнымъ свободу дая. Твоя бо щедроты и милостыня и нынѣ въ человекѣхъ поминаемы суть, паче же пред Богомъ и ангеломъ его. Ея же ради доброприлюбныя Богомъ милостыня, много дрѣзновение имѣеши къ нему, яко присныи Христовъ рабъ.

Память и похвала

И три трапезы поставляше: первую митрополиту съ епископы, и съ черноризцѣ, и съ попы; вторую нищимъ и убогимъ; третью собѣ, и бояромъ своимъ, и всѣмъ мужемъ своимъ...

Боле же всего бѣше милостыню творя князь Володимерь. Иже немощныя и старыя не можаху дойти княжа двора и потребу взяти, то въ дома имъ посылаше, немощнымъ и старымъ, всяку потребу блаженный князь Володимерь даяше. И не могу сказати многыя его милостыня, не токмо въ дому своемъ милостыню творяше, но и по всему граду, не въ Киевѣ единомъ, но и по всей земле Руской. И въ градѣхъ, и въ селѣхъ, вездѣ милостыню творяше, нагыя одѣвая, алчныя кормя и жадныя напаяя; странныя покоя милостью; церковники чтя, и любя, и милуя, подавая имъ требование, нищяя, и сироты, и вдовица, и слѣпныя, и хромыя, и трудоватыя, вся милуя, и одѣвая, и накормя, и напаяя.

Такоже пребывающу князю Володимеру въ добрыхъ дѣлахъ, благодать Божия просвѣщаше сердце его и рука Господня помогаше ему.

Трудно логически выразить то, чем приведенные тексты разнятся применительно к построению образа Владимира Святославича как благотворителя миру. Но очевидно, что Иларион здесь жестче следует отвлеченному этикету, тогда как Иаков — конкретнее и эмоционально теплее. Соответственно, Иларион рисует князя не только творившим милостыню при жизни, но и ниспосылающим людям свою помощь по смерти: с небес, от Бога; а вот из-под пера Иакова выступает более ярко представимый лик именно жившего на земле доброго князя, более ясный характер заботившегося о своем народе здесь, в этой жизни, правителя. В данном отношении текст Иакова, между прочим, конгениален летописной похвале князю, содержащейся в статье за 996 г.: счастливо выжив в битве с печенегамы, Владимир «постави церковь (Преображения Господня. — В. К.) и творяше праздникъ, варя 300 переваръ меду. И зваше бояры своя, и посадники, и старѣйшины по всимъ градомъ, и люди многы, и раздаваше 300 гривень убогимъ. И празнова князь Володимерь ту дний 8, и възвращашеться Киеву на Успение святыя Богородица, и ту пакы творяше праздникъ свѣтель, съзываше бесчисленное множество народа. Видяше же люди крестьяны суща, радовашеся душою и тѣломъ. И тако по вся лѣта творяше»²⁶. Согласуется по наглядности и житейской конкретике повествование Иакова и с фольклорной традицией: «Собирал им (Добрыне и Дунаю.— В. К.) Владимир всё почестен пир / Для многих князей, для многих бóяров, / Да для сильных могучих богатырей, / Для всех полениц да преудальных, / Для всех купцов-гостей торговых, / Для всех крестьянушек

²⁶ Повесть временных лет. С. 85–86.

прожиточных, / Да про многих казаков со тиха Дону, / Да про всех-то калик да переходжих, / Переходжих калик да переброжих. / Еще все на пиру тут напивались, / Еще все на честном пиру наедались, / Еще все на пиру были пьяны-веселы»²⁷.

В целом же Иаков, как можно заключить, развивая присущие Илариону церковно-исторический и историософский аспекты изображения и оценки Владимира Святославича, обогащает личностный портрет последнего оттенками, указывающими на его мистическую связь с Богом, на его духовное переживание по поводу собственного приобщения ко Христу и на его пылкое следование заповеди о милосердии и о благодеянии. При этом, прямо признавая и доказывая святость князя, Иаков почему-то совсем не касается его патронажной роли в качестве небесного молитвенника о Русской земле — темы, весьма важной для Илариона.

Итак, надеюсь, удалось показать, что, по крайней мере, в XI столетии в русской литературе имел место процесс некоторого развития идейно-художественных представлений о великом князе Киевском Владимире Святославиче. Процесс этот, как можно полагать, сопряжен был с распространением и укреплением национального почитания крестителя Руси и отражал разные культурные тенденции — представления, характерные для типологии сугубо церковного свойства, и неофициальные народные воззрения. По-видимому, Иларион был ближе к первым, Иаков — ко вторым.

Литература

Абрамов А. И. «Слово о законе и благодати» киевского митрополита Илариона как русская историософская реакция на христианско-идеологическую экспансию Византии // Идейно-философское наследие Илариона Киевского. М., 1986. Ч. II. С. 82–95.

Адрианова-Перетц В. П., Еремин И. П. Жития // История русской литературы: В 10 т. Т. I: Литература XI — начала XIII века. М.; Л., 1941. С. 332–333.

Акентьев К. К. «Слово о Законе и Благодати» Илариона Киевского. Древнейшая версия по списку ГИМ Син. 591 // Истоки и последствия: Византийское наследие на Руси. Сб. статей к 70-летию члена-корреспондента РАН И. П. Медведева. Под ред. К. К. Акентьева. СПб., 2005. С. 116–152.

Александров А. В. Символическая структура проповеди в Слове о Законе и Благодати // Серебряный век: Диалог культур. Сб. науч. ст. по матер. Междунар. науч. конф. пам. проф. С. П. Ильева. Одесса, 2003. С. 71–79.

БДР. СПб., 1997. Т. I.

Бродская В. Б., Цаленчук С. О. История русского литературного языка. Львов, 1957. Ч. I (X–XVIII в.).

Бугославский С. Л. К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру // ИОРЯС. 1925. Т. XXIX. С. 141–153.

Бычков В. В. Теория образа в византийской культуре VIII–IX веков // Старобългарска литература. София, 1986. Кн. 19. С. 60–74.

Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины: Учеб. пособие / Под ред. Л. В. Чернец. М., 1999.

Владимиров П. В. Древняя русская литература Киевского периода, XI–XIII веков. Киев, 1900.

Водовозов Н. История древней русской литературы. М., 1972.

²⁷ «Бой Добрыни с Дунаем» (Библиотека русского фольклора: Былины / Под ред. Ф. М. Селиванова. М., 1988. С. 74–75). Понятно, что это — очень поздняя фиксация народного предания и собирательного представления. Но все же корни подобного предания и представления уходят в самую глубь веков. То есть вряд ли можно сомневаться в том, что и в древности Владимир Красное Солнышко рисовался в народном воображении примерно так.

- Возняк М. С. Історія української літератури. В двох кн. Кн. перша. Вид. 2. Львів, 1992 (по изд. 1920 г.).
- Вышеславцев Б. Значение сердца в религии // Журнал «Путь». Париж, 1925. № 1. С. 79-98.
- Галахов А. История русской словесности, древней и новой. СПб., 1880. Т. 1. Отд. 1: Древнерусская словесность. Изд. 2-е.
- Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. М., 1901. Т. I. 1-я пол.
- Горский В. Образ истории в «Слове о законе и благодати» // Альманах библиофила. Вып. 26. Тысячелетие русской письменной культуры (988—1988). М., 1989. С. 65—75.
- Громов М. Н., Козлов Н. С. Русская философская мысль X—XVII веков. М., 1990.
- Грушевський М. Історія української літератури. Київ; Львів, 1923. Т. II. Розділ «Оригінальне письменство XI—XII в.», параграф «О Законі благодаті» [Електронний ресурс] // Ізборник. URL: <http://izbornyk.org.ua/hrushukr/hrush202.htm> (дата звернення: 25.04.2014) (Грушевський, 1923а)
- Грушевський М. Історія української літератури. Київ; Львів, 1923. Т. II. Розділ «Оригінальне письменство XI—XII в.», параграф «Морально-дидактична література доби. Анонімні твори. Феодосій печерський, Яков, Мономах» [Електронний ресурс] // Ізборник. Режим доступу: <http://izbornyk.org.ua/hrushukr/hrush202.htm> (дата звернення: 25.04.2014) (Грушевський, 1923б)
- Гудзий Н. К. История древней русской литературы. Изд. 3-е. М., 1945.
- Демин А. С. Внешность человека в древнейших славянских житиях // Демин А. С. О художественности древнерусской литературы / Отв. ред. В. П. Гребенюк. М., 1998. С. 89—99.
- Демин А. С. Семантика перечислений и манера повествования в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона // Свободный взгляд на литературу. Проблемы современной филологии: Сб. статей к 60-летию научной деятельности академика Н. И. Балашова. М., 2002. С. 141—145.
- Джиджора Е. В. Воспевание святых Владимира и Ольги в киеворусской гимнографии // Джиджора Е. В. Исследования по средневековой литературе XI—XV вв.: Сб. науч. работ. Одесса, 2012. С. 139—146.
- Древнерусская литература: XI—XVII вв. / Под ред. В. И. Коровина. М., 2003.
- Древнерусские княжеские жития / Подгот. текстов, перев. и коммент. В. В. Кускова. М., 2001.
- Еремин И. П. Учительная литература [XI — начала XIII века] // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1941. Т. I: Литература XI — начала XIII века. С. 354-356.
- Еремин И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Изд. 2-е. Л., 1987 (1-е изд. — 1968 г.).
- Живов В. М. Святость: Краткий словарь агиографических терминов. М., 1994.
- Жиленко І. В. Пізні українські життя святого князя Володимира: Тексти і коментарі. Київ: Фенікс, 2013.
- Замалеев А. Ф. Философская мысль в средневековой Руси (XI—XVI вв.). Л., 1987.
- Зимин А. А. «Память и похвала» Иакова Мниха и Житие кн. Владимира по древнейшему списку // Краткие сообщения Института Славяноведения (КСИС). 1963. Вып. 37. С. 66—72.
- Иванов М. С. К проблеме богословского наследия Древней Руси // Иванов М. С. Богословский сборник. М., 2011. Т. 1: Статьи разных лет. С. 67—75 (статья 1989 г.).
- Идейно-философское наследие Илариона Киевского. М., 1986. Ч. 1. С. 13—41, 45—64 (подг. текста и перев. Т. А. Сумниковой), 101—171 (факсимиле рукописи).
- Иларион. Слово о законе и благодати / Сост., вступ. ст., пер. В. Я. Дерягина. Реконстр. древнерус. текста Л. П. Жуковской. Коммент. В. Я. Дерягина, А. К. Светозарского. М., 1994.
- Иосиф (Левицкий), архим. Подробное оглавление Великих четиих миней всероссийского митрополита Макария, хранящихся в Московской Патриаршей библиотеке (ныне Синодальной). М., 1892. Ч. 2.

- История политических и правовых учений: Учеб. для вузов / Под общ. ред. В. С. Нерсесянца. 4-е изд. М., 2004.
- История политических и правовых учений: Учеб. для вузов / Под ред. О. Э. Лейста. М., 2006.
- История русской литературы / Под. ред. Е. В. Аничкова, А. К. Бородина, Д. Н. Овсяннико-Куликовского. М., 1908. Т. II.
- История русской литературы / Под ред. Д. С. Лихачева. М., 1980.
- История русской философии: Учеб. для вузов / Редкол.: М. А. Маслин. М., 2001.
- Истрин В. М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI–XIII вв.). М., 2002 (1-е изд.: Пг., 1922).
- Караулов Г. Очерки истории русской литературы. В 2 т. М., 1888. Т. I: Литература древнего периода и нового да Пушкина. Изд. 3-е.
- Карпов А. Ю. Иаков Мних [Электронный ресурс] // Образовательный портал «Слово». 30.10.2011. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/44827.php> (дата обращения: 25.04.2014).
- Кириллин В. М. «Слова о Законе и Благодати»: идейно-художественная специфика орации // Кириллин В. М. Очерки о литературе Древней Руси. Материалы для истории русской патрологии и агиографии. Сергиев Посад, 2012. С. 217–227.
- Ковалевская Е. Г. История русского литературного языка. М., 1978.
- Кожин В. Творчество Илариона и историческая реальность его эпохи // Альманах библиофила. С. 24–44.
- Колесов В. Умное слово в «Слове» Илариона Киевского // Альманах библиофила. Вып. 26. С. 95–113.
- Кормин Н., Любимова Т., Пилюгина Н. Характер философского мышления Илариона в «Слове о законе и благодати» // Идейно-философское наследие Илариона Киевского. Ч. II. С. 39–55.
- Крещение Руси в трудах русских и советских историков. М., 1988.
- Кусков В. В. История древнерусской литературы. 4-е изд. М., 1982.
- Лабунька М. Митрополит Іларіон і його писання / Праці Греко-католицької Богословської Академії. Рим, 1990. Т. LXXX.
- Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVII в.). М., 1975.
- Левшун Л. В. История восточнославянского книжного слова XI–XVII вв. Минск, 2001.
- Литературная энциклопедия терминов и понятий / Глав. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М., 2001.
- Лихачев Д. С. Слово о Законе и Благодати Илариона // Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1975. С. 10–22.
- Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Кн. 2. М., 1995 (1-е изд.: СПб., 1883).
- Макарий (Булгаков). Три памятника русской духовной литературы XI в. // Христианское чтение. 1849. Ч. 2. С. 302–336.
- Макарий Египетский, преп. Духовные беседы. Св.-Троицкая Сергиева лавра, 1994.
- Макаров А. И. Нравственные воззрения Илариона Киевского // Идейно-философское наследие Илариона Киевского. Ч. II. С. 96–111.
- Мещерский Е. В. История русского литературного языка. М., 2002.
- Мещерский Н. А. К изучению языка «Слова о законе и благодати» // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. XXX. С. 231–237.

- Мещерский Н. А. История русского литературного языка. Л., 1981.
- Миллер О. Опыт исторического обозрения русской словесности. СПб., 1865. Ч. 1. Вып. 1: (От древнейших времен до татарщины).
- Мильков В. В. Иларион и древнерусская мысль // Идеино-философское наследие Илариона Киевского. Ч. II. С. 6–38.
- Мильков В. «Слово о законе и благодати» Илариона и теория «казней божиих» // Альманах библиофила. Вып. 26. С. 114–121.
- Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси: Древнейшие письменные источники. СПб., 2008.
- Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984.
- Никольский Н. К. Материалы для истории русской духовной письменности // СОРЯС. СПб., 1907. Т. LXXXII. № 4. С. 1–21.
- Никулина Е. Н. Агиология: Курс лекций. М., 2009.
- Овчинников Г. К. «Слово о законе и благодати» святителя Илариона как «собрание» его сочинений // Богословский сборник. М., 2001. Вып. 8. С. 227–240.
- Овчинников Г. К. Загадка «Слова о Законе и Благодати» Илариона Киевского // Вестник Моск. гос. индустр. ун-та. Сер. Гуманит. науки. М., 2003. № 1. С. 154–169.
- Оленин А. Н. Письмо к графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском, найденном на острове Тамани в 1792-м году. СПб., 1806.
- Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева) / Сост. Т. Н. Протасьева. М., 1970. Ч. 1: № 577–819.
- Орлов А. С. Древняя русская литература: XI–XVI вв. М.; Л., 1937.
- Основы литературоведения / Под общ. ред. В. П. Мещерякова. М., 2003.
- Павленко Г. І. Іпостась Володимира Святого в українських рукописних житіях XVII–XVIII ст. // Магістеріум. Вип. 8, Літературознавчі студії / Національний університет «Києво-Могилянська академія». Київ, 2002. С. 63–71.
- Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / Изд. журнала «Странник» под ред. А. И. Пономарева. СПб., 1894. Вып. 1. С. 59–85.
- Перетц В. Н. Древнерусские княжеские жития в украинских переводах XVII в. // Перетц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVII веков. М.; Л., 1962. (раздел «Житие князя Владимира в украинских обработках XVII в.»).
- Петухов Е. В. Русская литература: Исторический обзор главнейших литературных явлений древнего и нового периода. Древний период. Юрьев, 1911.
- Пиккио Р. Древнерусская литература / Перев. с итал. М. Ю. Кругловой. М., 2002.
- Пиккио Р. Об изоколических структурах в литературе православных славян // Пиккио Р. Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М., 2003. С. 548–556 (перев. с итал. по изд. 1991 г.).
- Погосбекян Д. Р. Политико-правовая тематика в «Слове о Законе и Благодати» Киевского митрополита Илариона // Вестник Университета Российской академии образования. М., 2001. № 3. С. 68–80.
- Погосбекян Д. Р. Проблемы права и нравственности в первом политическом трактате «Слово о Законе и Благодати» // Государство и право. М., 2002. № 6. С. 98–103.
- Покровский Ф. И. Отрывок слова митр. Илариона «О законе и благодати» в списке XII–XIII вв. // ИОРЯС. 1906. Т. XI. Кн. 3. С. 412–417.
- Полевой П. А. История русской словесности с древнейших времен до наших дней. Изд. 2-е. В 3 т. СПб., 1903. Т. I.

- Поляков А. И. Метод символической экзегезы в историософской теологии Илариона // Идейно-философское наследие Илариона Киевского. Ч. II. С. 56–81.
- Порфирьев И. Я. История русской словесности. Изд. 3-е. Казань, 1879. Ч. 1.
- Протопопов Н. Очерки по истории древнерусской письменности: От начала письменности до XVIII века. Изд. 2-е. М., 1902.
- ПЭ. М., 2004. Т. VIII.
- ПЭ. М., 2009. Т. XX.
- ПЭ. М., 2009. Т. XXII.
- Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья (XI–XIII вв.): Очерки литературно-исторической типологии. М., 1980.
- Розов Н. Иларион и первые русские летописи // Альманах библиофила. Вып. 26. С. 89–94.
- Сазонова Л. И. Принцип ритмической организации в произведениях торжественного красноречия старшей поры («Слово о Законе и Благодати» Илариона, «Похвала св. Симеону и св. Савве» Доментиана // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 30–46.
- Сборник 1414 года // Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках И. Срезневского. СПб., 1867. Вып. 2: XVIII. С. 82–88.
- Сендерович С. Св. Владимир: к мифопоэзису // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. XLIX. С. 300–313.
- Сендерович С. Слово о законе и благодати как экзегетический текст. Иларион Киевский и павликианская теология // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 43–57.
- Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития: (Обзор редакций и тексты). М., 1915.
- Сергина Н. С. Песнопения русским святым: По материалам рукописной певческой книги XI–XIX вв. «Стихиарь месячный». СПб., 1994.
- Синодальный список сочинений Илариона – русского писателя XI в. // Slavia. Praha. 1963. Roč. 31. S. 2. S. 141–175 (изд. подг. Н. Н. Розов).
- Славнитский М. Канонизация св. князя Владимира и службы ему по спискам XIII–XVII вв. с приложением двух неизданных служб по рукописям XIII и XVI вв. // Странник. 1888. Май–август. С. 197–238.
- Славяно-русские сочинения в пергаменном сборнике И. Н. Царского // ЧОИДР. 1848. Кн. 7. № 11. С. 21–41.
- Смирнов П. А. Эволюция образа Владимира Святославича (На материале летописных сводов). АКД. М., 2007.
- Смирнов П. А. Образ Владимира Святославича как крестителя Руси в восприятии его современников по данным «Повести временных лет» // Литература Древней Руси: Коллект. монография. К 100-летию со дня рождения профессора Николая Ивановича Прокофьева. М., 2011. С. 7–22.
- Соболевский А. В память исполнившегося 900-летия со времени крещения Руси // Чтения в Императорском обществе Нестора Летописца (ЧИОНЛ). 1888. Кн. 2. Отд. 2. С. 1–129.
- Спасский Ф. Г. Русское литургическое творчество. М., 2008 (1-е изд.: Париж, 1951).
- Сперанский М. История древней русской литературы: Пособ. к лекциям в Университете на Высш. жен. курсах в Москве. Изд. 2-е. М., 1914.
- Срезневский В. Мусин-Пушкинский сборник 1414 г. в копии начала XIX в. СПб., 1893.
- Срезневский В. И. «Память и похвала» князю Владимиру и его Житие по списку 1494 г. // Записки Императорской Академии наук (ЗИАН). Ист.-филол. отд. 1897. Т. 1. № 6. С. 1–8.

- Усачев А. С. Из истории русской средневековой агиографии: два произведения о равноапостольном князе Владимире Святославиче: (исследование и тексты) // Вестник церковной истории. 2006. № 2. С. 5–44.
- Федотов Г. П. Русская религиозность. М., 2001 (перев. с англ. по изд. 1946 г.). Ч. I: Христианство Киевской Руси. X–XIII вв.
- Федотов О. И. Основы теории литературы. М., 2003. Ч. I: Литературное творчество и литературное произведение.
- Хрущев И. П. О древнерусских исторических повестях и сказаниях: XI–XII столетие. Киев, 1878.
- Чтение о святых мучениках Борисе и Глебе // Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Пригот. к печати Д. И. Абрамович. Пг., 1916. Ч. I. С. 1–26.
- Шевырев С. История русской словесности: Лекции. М., 1860. Ч. 2.
- Юркевич П. Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека по учению Слова Божия // Труды Киевской духовной академии. 1860. Кн. 1. Отд. 2. С. 63–70.
- Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953.
- Čiževskij D. History of Russian Literature: From the eleventh century to the end of the Baroque. Mouton & Co, 'S-Gravenhage, 1960.
- Jakobson R. Гимн в Слове Илариона о законе и благодати // Selected Writings. Berlin; New York; Amsterdam, 1985. Vol. 6. Part 2: Early Slavic Paths and Crossroads. P. 402–414.